

‘площадь без деревьев’; лит. *bālnas* ‘с белой спиной (о скоте)’: блр. *болбна* ‘открытое пространство перед деревней’, болг. *блана* ‘ровное место’, ‘лужайка’, ‘глыба’, чеш. *blana* ‘луг’, ‘общинный выгон’, рус. *болонь*, *болбные* ‘поенный луг, низина’ и др.³

С лит. *ról-*, лтш. *pāls* представляется возможным далее со-поставить др.-prus. *poalis* ‘голубь’ (семасиологически ср. лит. *bal-añdis*, лтш. *bal-ūðdis* ‘голубь’: лит. *bālas* ‘белый’; осет. *æxsi-nxg* ‘дикий голубь’: *æxsin* ‘темно-серый’; перс. *kabūtar* ‘голубь’: *kabād* ‘голубой’⁴). Особый интерес при этом представляют лат. *palumbēs* ‘дикий голубь’ и греч. *πέλεια* то же, наряду с лат. *pallidus* ‘бледный’ и греч. *πελιός* ‘голубой’⁵, которые не только повторяют те же самые семантические отношения, но и являются, по-видимому, однокоренными с рассматриваемыми балтийскими словами, имеющими, таким образом, продленную ступень корневого вокализма.

³ Следовательно, сопоставление лит. *pálšas* ‘светло-серый’, лтш. *pāls* ‘бледный’ с рус. *полоса* и др. в семасиологическом отношении является вполне закономерным (вопреки М. Фасмеру, см. *Фасмер III*, с. 315).

⁴ Трубачев О. Н. — В кн.: *Фасмер I*, с. 433.

⁵ Walde — Hofmann II, с. 239; Frisk II, с. 496—8; Pokorny I, S. 804.

О. Н. Трубачев

INDOARICA В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Предлагаемая статья является десятой статьей серии «Indoarica в Северном Причерноморье» и называется так же, как могла бы называться вся серия, а в будущем, по-видимому, и книга, в которой автор надеется объединить свои исследования на эту тему¹. В исследуемом вопросе самое трудное, труднодоступное и вместе с тем принципиально важное — это конкретный языковой материал, поэтому главная задача статьи — обратить внимание читателя на ряд реликтовых слов-названий, неудовлетворительно проэтимологизированных, а то и вовсе оставленных без внимания предшествующими исследованиями.

¹ До сих пор опубликованы следующие работы: Трубачев О. Н. *Temagundam matrem maris*. К вопросу о языке индоевропейского населения Приазовья. — В кн.: Античная балканстика. 2. Предварительные материалы. М., 1975; Он же. О синдах и их языке. — ВЯ 1976, № 4; Он же. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье. — ВЯ 1977, № 6; Он же. *Nichtskythisches im Skythien Herodots*. — IF 1977, Bd. 82; Он же. Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время. — ВДИ 1978, № 4; Он же. Серебро. — В кн.: Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978; Он же. *Rasparaganus rex Roxolanogru*. — В кн.: Античная балканстика. 3. Предварительные материалы. М., 1978; Он же. «Старая Скифия» (*Ἀρχαῖη* Σκυθίη) Геродота (IV, 99) и славяне. Лингвистический аспект. — ВЯ 1979, № 4; Он же. Таврские и синдомеотские этимологии. — В кн.: Этимология, 1977. М., 1979.

1. **artaka-* 'медведь, медвежий'

Основанием для этой реконструкции послужило широкоизвестное название *Артек*, обозначающее местность у юго-западного склона горы Аюдаг. Местность, поселок (в прошлом — имение) Артек лежит «на ручейке того же имени»². Топографический, а с ним вместе и топонимический ландшафт определяет, разумеется, Аюдаг, что было замечено элементарно грамотными краеведами этих курортных мест. Последние, зная значение тюркского названия *Аюдаг* — 'Медведь-гора', видимо, задумывались над со звучьем соседнего названия *Артек* и греческого названия медведя — ἄρκτος (эту версию приходилось слышать как устную от местных экскурсоводов; ее литературный первоисточник мне, к сожалению, неизвестен, но она, как увидим ниже, все же относительно ближе к истине, чем то, что удалось прочесть об Артексе в топонимической, лингвистической литературе³, и по одному этому заслуживает упоминания и нашей признательности, поскольку сослужила нам службу наводящего ориентира). Однако объяснять *Артек* прямо из этого греческого слова было бы большой натяжкой. Народная форма, которая существовала в местных греческих говорах Крыма, судя по наличию ее в переселенческих мариупольских греческих говорах, — *argdija* 'медведь'⁴ еще дальше отстоит от интересующего нас названия *Артек*. Следовательно, скорее всего, греческое происхождение в данном случае отпадает, как и тюркское (можно лишь говорить, самое большее, о вторичной тюркской фонетической обработке с элементами вокальной гармонии переднего ряда — *ärtek? Эта особенность при реконструкции древней формы снимается).

Как уже говорилось, наиболее авторитетным и очевидным представляется указание, которое нам дает семантика тюрк. *Аюдаг* — 'гора Медведь'. Это более позднее название явилось переводом более древнего, как нередко случается при смене этноса. Аюдаг, гору и мыс, действительно, похожий на медведя, отождествляют, правда, еще с мысом Крюб мэ́тшо́у 'бараний лоб', у Страбона, но это последнее метафорическое обозначение, несмотря на древность

² Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Под ред. Семенова-Тян-Шанского В. П. и под общим руководством Семенова-Тян-Шанского П. П. и акад. Ламанского В. И. Т. XIV. Новороссия и Крым. СПб., 1910, с. 768.

³ См.: Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966, с. 33: «Из древнегреч. *Кардиатрикон*». — Но это греч. название тамошнего имения («Сердцеврачательное»), конечно, имеет позднее происхождение, не старше графа Олизара, которому принадлежало имение. Ручеек, называвшийся по всей видимости и раньше *Артек*, знаменует большую древность, как увидим ниже. Не имеет перспектив и тюрк. этимология имени *Артек*, ср. якут. *ärtyk* 'теснина, горный проход' (*Kiss L. Földrajzi nevek etimológiái szótára*. Budapest, 1978, с. 63). Неудивительно отнесение названия *Артек* к неясным, см.: Суперанская А. В. Гидронимия Крыма и Северо-Западного Кавказа. — В кн.: Ономастика. М., 1969, с. 197.

⁴ Сергиевский М. В. Мариупольские греческие говоры. — Изв. АН СССР. Отделение общественных наук, 1934, № 7, с. 545.

свидетельства, не было, по-видимому, местным, сохранившись лишь в литературе, как и некоторые еще более мимолетные записи. Местным и автохтонным было только название *Артек*. Его негреческий и нетюркский характер делается весьма вероятным после сказанного выше. Местность и ручей Артек, образуя некое целое с выразительной фигурой Медведь-горы — Аюдага, побуждают нас высказать гипотезу о существовании здесь в древности туземной формы **artaka-* 'медведь', а также, возможно, производного — **artakia-* 'медвежий'. Не эта ли Артакия чудом сохранилась у Гомера? Ср. Od. X, 105—108:

κούρη δὲ ξύμβληγτο πρὸ ἄστεος ὑδρευούσῃ,
θυγατέρ' ιφίμη Δαιστρυγόνος 'Αντιφάταο.
ἡ μὲν ἄρ' ἐς κρήνην κατεβήσετο καλλιρέεθρον
'Αρτακίην. ἔνθεν γὰρ ὅδωρ προτὶ ἀστυ φέρεσκον.
Шедшая по воду дева пред городом им повстречалась —
Дева могучая, дочь Антифата, царя лэстригонов.
Шла она вниз к прекрасным струям А р т а к и и.
Этот источник снабжал ключевою водою весь город ⁵.

Здесь уместно напомнить, что, как убедительно доказано главным образом натуралистами и путешественниками уже более ста лет назад, приключения Одиссея, описанные в X, XI и XII песнях поэмы, развертывались не в Западном Средиземноморье, а на берегах Крыма и Таманского полуострова, поскольку здесь именно локализуются киммерийцы, вход в ад реальнее всего представить себе в районе таманских грязевых вулканов (ср. там до недавних пор название *Пекло* в устах местных русских и украинцев) ⁶. Как бы то ни было, после ужасного урона, понесенного у лэстригонов, бросавших на корабли Одиссея и его спутников «с кручи утесов» тяжелые камни, они «прибыли вскоре на остров Ээю». Поскольку, как нам кажется, гомеровская *Αἰαίη* 'Ээя' наиболее правдоподобно идентифицируется с названием Синского острова — *Eon* (Плиний), *Oium* (Иордан), прибыть туда «вскоре» можно откуда-то неподалеку, обобщенно говоря, из района Южного берега Крыма. Правда, древним был известен еще один источник с названием '*Артаки*' — в западной Малой Азии, близ Кизика, где название *Artaki* дожило до нового времени ⁷. На эту «достопримечательность греческой географии» обратил внимание Буди-

⁵ Гомер. Одиссея. Перев. Вересаева В. под ред. акад. Толстого И. И. М., 1953, с. 114.

⁶ Dubois de Montpréaux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée, t. V. Paris, 1843, p. 40, 41, 304—305; Бэр К. Знакомство Гомера с северным берегом Черного моря. — Зап. имп. Одесского общества истории и древностей, 1877, т. X, с. 522 и сл. — Разбойники-лэстригоны при этом обычно помещались в стратегической Балаклавской бухте, что получило затем преломленное отражение и в русской художественной литературе, ср. «Листригоны» А. И. Куприна.

⁷ Pape W., Benseler G. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Bd. I. Graz, 1959, S. 146.

мир, который ставит это сходжение рядом с повторением Борисфена как другого имени для Геллеспонта (Гесихий)⁸. Малоазиатские созвучия гомеровского Ἀρταχίη (у лестригонов) и крымского названия *Artek* — это особая тема. Дело в том, что современная индоевропеистика, успешно преодолев теорию бругмановских спирантов и бенвенистовских аффрикат, пришла, наконец, к индоевропейской реконструкции названия медведя **ṛt̥ko-* или **art̥ko-*⁹ (а не **ṛk̥bo-* или **ṛk̥o-*), откуда производятся греч., ἄρκτος, др.-инд. *ṛkṣa-*, авест. *arša-*, арм. *arj*, лат. *ursus*, ирл. *art*, а также хетт. *hartagga-*, обозначавшее хищного зверя, по-видимому, медведя. Любопытно, что во всех континуантах группа согласных *tk* праформы **ṛt̥ko-* преобразована путем метатезы, упрощения, диссимиляций, только хеттское слово наиболее близко к индоевропейской реконструкции и только одно оно обнаруживает гласный между корнем и вероятным суффиксом *-ko-*¹⁰. Свидетельство хеттского слова ослабляется недостаточной достоверностью его значения, выводимого из контекста. В такой ситуации реконструкция **art̥aka-* в Тавриде не может не представить интереса: оно не менее архаично формально, чем хетт. *hartagga-*, и у него с большой долей вероятия также устанавливается значение 'медведь'. Нельзя не признать, что это укрепляет надежность интерпретации хеттского слова, а также независимо подтверждает откорректированную индоевропейскую реконструкцию. Конечно, вид у таврического **art̥aka-* достаточно оригинальный, чтобы отождествить его без колебаний с др.-инд. *ṛkṣa-*, как, впрочем, и с ир. (авест.) *arša-*. Это не мешает признанию между ними диахронического тождества, с отведением форме **art̥aka-* статуса периферийного реликта почти прайзыковой древности, что не делает эту форму менее интересной. Ее территориальное нахождение в зоне таврских языковых остатков также следует учесть. Большая близость крымского **art̥aka-* и хетт. *hartagga-* есть, видимо, параллельное сохранение общего архаизма. Правда, в литературе обращалось внимание и на специальные хеттско-северопонтийские изоглоссные связи в корне-слова и словообразовании имен¹¹.

⁸ Budimir M. Die Kerberier in der Odyssee und im attischen Drama. — Živa antika X, 1—2. Skoplje, 1960, с. 18.

⁹ Szemerényi O. Principles of etymological research in the Indo-European languages. — In: II. Fachtagung für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft. Innsbruck, 1961. — Цит. по: Etymologie. Herausgegeben von R. Schmitt. Darmstadt, 1977, S. 295; Иванов Вяч. Вс. Общесиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965, с. 31 и сл.

¹⁰ Иванов Вяч. Вс. Указ. соч., с. 33.

¹¹ Трубачев О. Н. О синдах и их языке. — ВЯ 1976, № 4, с. 56 (сходная функция *-sar* в синдомеотских и хеттских личных собственных именах), 62 ('Οπισσάς — хетт. *appezzija-*, *Antissa* — хетт. *hantezzija-*); Надель Б. Черноморско-хеттские ономатологические связи (к постановке вопроса). — RO 1962, т. XXVI, zesz. 1, с. 126 (Ἀρμαθῆς — хетт. *arma-* 'луна', Αραούη [*Y*]ος — хетт. *araqa-* 'свободный').

2. *bahvarjāmin- 'большой город-двойник'

Нижеследующий этюд представляет собой развернутое изложение позиции № 23 словаря остатков языка северопонтийских индоарийцев¹². Заглавная реконструкция основывается на названии города *Бахбарземин*: «Остатки от бывшего в 6 верстах от Темрюка города «Берземена» или «Бахбарземина. . .»¹³. Ср. еще *Барбарицемин*¹⁴, *Берберземин* в «Трактате о торговле на Черном море» Пейсонеля 1787 г.¹⁵ и *Бермезань*, иначе — Темрюцкий отселок, Темрюцкие хутора, Старый Темрюк, Островитянские хутора, где отмечаются следы «древнего значительного поселения с портом (и молом) на Азовском море»¹⁶. Неясно, относится ли сюда *Balzimachi*, название азовского порта, упомянутое итальянским купцом Пеголотти в первой половине XIV в.¹⁷

Название этого странного, полумифического города чем-то напоминает *Зурбаган* — выдуманный город у Александра Грина (последняя форма, впрочем, не обязательно целиком плод писательского вымысла, возможно, она навеяна чтением Константина Багрянородного, который упоминает среди островов у берегов Зихии (Черкесии) удивительно похожий Т҃арβαγάνιν καὶ ἑτερού νησίν ‘Царбаганин и д р у г о й о с т р о в ’¹⁸). О гриновском Зурбагане принято говорить как о несуществующем городе, несколько труднее утверждать это о Т҃арβαγάնιн у Багрянородного (особенно если обратим внимание на контекст «и другой остров» в свете сообщаемого ниже), Бахбарземин определенно существовал. Кажется, никто еще не занимался этимологией его названия, хотя оно столь информативно и оригинально, что давно заслуживает внимания лингвистов и историков.

Мы не видим иной возможности объяснения названия *Бахбарземин*, кроме реконструкции индоарийского *bah-var-ŷamīn- 'большой город-двойник', ср. др.-инд. *bahū* 'многочисленный', а также (*Атхарваведа*) 'большой'¹⁹, *vára* 'ограда, ограждение', *vāra* 'огражденное место'²⁰, *yamīn* 'производящий близне-

¹² См. Трубачев О. Н. Лингвистическая периферия. . ., с. 19.

¹³ Разные замечания, касательные до острова Тамана (Извлечено из бумаг походной канцелярии кн. Потемкина. . . Представлены 24 авг. 1785 г. Автор — акад. П. С. Паллас. Прим. ред.). — Записки имп. Одесского общества истории и древностей, 1877, т. X, с. 234.

¹⁴ Тунманн. Крымское ханство. Пер. с нем. изд. 1784 г. Симферополь, 1936, с. 71.

¹⁵ Цит. по: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Сост. Гарданов В. К. Нальчик, 1974, с. 190.

¹⁶ Гёрг К. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870, с. 117.

¹⁷ Pegolotti Francesco Balducci. La pratica della mercatura. Ed. by Evans A. Cambridge, Massachusetts, 1936, p. 55.

¹⁸ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Ed. by Moravcsik Gy. Budapest, 1949, p. 186 и сл. (42, 122^v).

¹⁹ Monier-Williams M. A Sanskrit-English dictionary etymologically and philologically arranged with special reference to cognate Indo-European languages. New ed. Oxford, 1964, p. 724.

²⁰ Там же, с. 921, 943.

цов’²¹. Реальность существования в местной субстратной топонимии по крайней мере элемента *bah(u) ‘большой’ подтверждается сравнением с территориально близким *Bagtari* на картах 1408 и 1436 гг.²², по-видимому, частично переведенным на итальянский как *tar magno* ‘Б о л ь ш о й Тар’ на портолане Бенинказы 1474 г.²³; сюда же, далее *Batiario* в генуэзских документах Кафы и, наконец, близкий к нашему времени *Axtar*, *Aktar*, *Axtari*, *Axtary*, *Axtarskiy*, включая современное *Приморско-Ахтарск*, город на Азовском море. Ср. позицию № 22 словаря индоарийских реликтов²⁴: *bah-tar(i) ‘большой берег’, ‘большебережный?’ — др.-инд. *bahú*, *tar-*.

Судя по отождествлению Бахбарземина со Старым Темрюком, парная ситуация ‘город + отселок, пристань’ тяготеет здесь с далекой древности. Темрюкское поселение античной эпохи, относимое еще к VI в. до н. э., привлекает внимание археологов, но, кажется, еще в недостаточной степени²⁵. Остаточное наличие двух Темрюков наблюдали и путешественники конца XVIII—начала XIX в., хотя их объяснения временем турецко-казацких отношений едва ли полностью верны²⁶. Вообще возникновение и существование двойных городов (конкретно: город и крепость, город и порт) — феномен, известный для разных стран, ср. например упоминание историком древнейвойной крепости Тавриз²⁷. Нас, естественно, больше интересуют случаи с более близких территорий. И такие примеры, действительно, есть, причем исключительно яркие и не во всех своих отношениях раскрыты. Сюда относится греч. Διοσκούρις, Диоскуриада, древнее название Сухуми, производное от имени Διόσκούροι, диоскуры, сыновья Зевса, близнецы. Считается, что та же семантика представлена в названии *Cuxum(i)*, первоначально Цхум, ср. груз., мингр., чан. *tkubi*, *tkuri* ‘близнецы’, ‘двойни’, ‘двойной орешек, плод’²⁸, сюда же Лечхум, название одной из областей Имеретии²⁹. «Таким образом, интересующие нас слова Θάμη, Θάμη означают близнецы, двойни. Следовательно, слово Сухум, точнее Цхум почти вполне соответствует по смыслу греческому названию Диоскуриады и значит Близ-

²¹ Там же, с. 847.

²² Брун Ф. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России, ч. 1. Одесса, 1879, с. 92.

²³ См. приложение к кн.: Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. Изд. 2, Киев, 1914.

²⁴ Трубачев О. Н. Лингвистическая периферия. . . , с. 19.

²⁵ Блаватская Т. В. Очерки политической истории Боспора в V—IV вв. до н. э. М., 1959, с. 88.

²⁶ Pallas P. S. Voyages entrepris dans les gouvernements méridionaux de l’empire de Russie pendant les années 1793 et 1794. T. IV. Paris, 1811, p. 24—25; Сумароков П. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду, ч. 2. СПб., 1805, с. 158.

²⁷ Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970, с. 280 и сл.

²⁸ Орбелій Н. А. Город близнецов Διοσκούρις и племя воинов ‘Нулохор’. — ЖМНП 1911, май, с. 207.

²⁹ Там же, с. 203.

и е ц ы . Слово *Лечхум* означает страну близнецов, или область, где находится Чхум, Близнецы»³⁰. Думается, однако, что было бы неправильно сводить все к кальке с греческого названия в данном случае; скорее всего, греческий подключился к уже существовавшей здесь до него модели названия, манифестировавшейся на разных языках региона, ср. выше картвельские данные, убедительно продемонстрированные Орбели. Ср. сюда же название горы *Близница*, или *Близницы*, на Таманском полуострове. Все это говорит о местном осмыслении парности (поселений, гор и т. д.) в данном регионе как отношений близнецов, а это, в свою очередь, позволяет нам поставить вопрос о происхождении названия *Бахбарземин*, *bah-var-*jamin*- от уже упомянутого *yatīn*, далее — др.-инд. *yatā-* ‘близнец’, сюда же — имя бога *Yatā-* (при ир., авест. *Yīta-*)³¹. Точнее говоря, наша реконструкция *bah-var-*jamin*- отражает как бы народное, ранне-иракритское *jamin* с аффрикатой, аналогично отношению *Yatānā*³² в Ригведе — соврем. хинди *Jatnā*, название реки, образующей вместе с Гангом знаменитый Доаб, Двуречье.

Индоар. *-var-*jamin* и картв. ფტით, ფტით образуют, таким образом, изосему ‘город-двойник’, первую отмеченную изоглоссу, охватывающую индоарийский субстрат Северного Причерноморья и картвельские языки (и те, и другие по крайней мере частично).

3. *čili- ‘орел’

Предлагаемая реконструкция индоарийской северопонтийской лексемы для орла опирается на небольшой материал с тем, однако, преимуществом, что известный нам факт точно локализован и, к тому же, снабжен гlossenой. П. О. Бурачков в своей содержательной работе 1875 г. сообщает³³: «. . . Между Тендрою и устьями Днепра находится еще четыре острова, из них наибольший есть о. Долгий. . . , а потом Орлов или Чиле» (автор ссылается при этом на военно-топографическую карту в Атласе карт при Гидрографии Тетбу де Марини). У нас нет твердой гарантии древности названия острова Чиле, хотя нет и указаний о позднем его происхождении. В этой ситуации стоит обратить внимание на соседство с островом (косой) Тендра, название которого имеет вероятную индоарийскую этимологию — из *dand-āria- ‘камышовые арии’³⁴. В целом эта береговая линия с островами входит в геро-

³⁰ Там же, с. 208.

³¹ Ср. подробно о самом феномене и терминологии: Иванов Вяч. Вс. Отражение индоевропейской терминологии близнического культа в балтийских языках. — В кн.: Балто-славянский сборник. М., 1972, с. 193 и сл.

³² Mayrhofer III, S. 9: *Yatāna*. — Автор, по нашему мнению, без достаточных оснований признает название реки не имеющим этимологию. Конечно, Ямуна-Джамна — это близнец, двойник (Ганга).

³³ Бурачков П. О. О местоположении древнего города Каркинитеса и монетах, ему принадлежащих. — Записки Одесского общества истории и древностей, 1875, т. IX, с. 43.

³⁴ Трубачев О. Н. О спинах и их языке, с. 62—63.

дотовскую «Старую Скифию», на первоначально индоарийском характере ономастики и этноса которой мы имели случай настаивать в одной из предыдущих работ, относя сюда же и Синдскую Скифию Плиния. Поэтому контекст «Орлов или Чиле» позволяет нам привлечь для сравнения др.-инд. *cilli-* ‘порода хищных птиц’, оставляемое Майрхофером без объяснения³⁵. Вполне возможно, однако, звукоподражательное происхождение этого древнеиндийского слова, нередкое среди названий хищных птиц (по клекоту, пронзительному писку). Это несколько снижает вес идентификации первого дошедшего до нас названия птицы у северопонтийских индоарийцев. Впрочем, ниже разбирается ряд косвенных свидетельств о других индоарийских названиях птиц, хотя главный сюжет нижеследующей заметки — другой.

4. Название храма у тавров

Собственно говоря, нет никаких данных за то, что у тавров были храмы в полном смысле слова. Скорее, они еще не знали храмового строительства, и в этом выражался архаизм их культурной стадии, как вообще у индоарийцев до прихода в Индию и у древних иранцев³⁶. Насколько известно, Геродот в рассказе о таврах не употребляет слова *νηρός* ‘храм-здание’, которое он, например, употребляет, хоть и в отрицательном контексте, говоря о персах и скифах (Herod. I, 131; IV, 59). Повествуя об обычаях и религии тавров, отец истории пользуется несколько двусмысленным словом *ἱρόν* ‘храм, святилище, место жертвоприношений’, которое лучше, однако, переводить как ‘святилище’. Геродот рассказывает о принесении таврами в жертву богине Деве людей, потерпевших кораблекрушение, тела которых сбрасывают с утеса (*ἐπὶ γὰρ κρηπιδοῦ ἰδρυται τὸ ἱρόν* ‘потому что святилище устраивается на утесе’). Herod. IV, 103). Несмотря на двусмысленность также этого контекста (глагол *ἰδρύω* означал ‘сооружать, строить, особенно храмы’), едва ли можно предполагать у тавров существование настоящего храма Девы. Его археологических остатков не нашли и вряд ли когда-либо их найдут. По всей вероятности, это было ритуально удобное, священное место для жертвоприношений. Такие священные места с особым, выдающимся расположением на местности, разумеется, были, и следы их остались, но не в исконаемых реликтах материальной культуры (ввиду минимума инвентаря и сооружений), а в языке. Возможно, имелось и главное святилище такого рода. Есть основания полагать, что оно находилось на горе Кошка под Симеизом, где известен «один из крупнейших в Крыму некрополей, насчитывающий более 70 «каменных ящиков», в которых тавры (во II—I тысячелетиях до н. э. и в первых веках н. э.) хоронили умерших»³⁷. На горе Кошка

³⁵ Mayrhofer I, S. 390.

³⁶ Ср.: Бонгард-Левин Г. М. К проблеме генезиса древнеиндийской цивилизации (Индоарии и местные субстраты). — ВДИ 1979, № 3, с. 11.

³⁷ Крым. Путеводитель. Симферополь, 1972, с. 102.

существовало также укрепленное поселение — стена второй половины I тысячелетия до н. э. и каменные жилые дома VII—VI вв. до н. э.³⁸, т. е. времени, почти совпадающего с эпохой Геродота.

Обратимся к ономастике. Название горы *Кошка* хорошо объясняется из тюрк. *kuš* ‘птица’, (вост.-турк., карачайск.) ‘охотничий орел’, ‘орел’ и *kaja* ‘скала’³⁹. Кошка образует с Симеизом такой сплоченный топографический ансамбль, что можно предположить его отражение в связи самих названий *Кошка* — *Симеиз*. Мы не располагаем данными по истории названия *Симеиз*, но, учитывая местонахождение в коренной Таврике, а также показания ландшафта (выше), реконструируем его как индоарийское (таврское) **síma-i-* ‘соколиный жертвеник, святилище’, ср. др.-инд. *śyepá-* ‘хищная птица, орел, сокол, коршун’ (при авест. *zaēna-* ‘большая хищная птица’), особенно др.-инд. *śyātā-* ‘черный, темный’, *śyātā-*, название птицы⁴⁰, *ijyā* ‘жертва’ (в иранском представлена огласовка авест. *yazaītē* ‘почитать’). Субстратное **síma-i-* было калькировано тюркским *kuš kaja*, причем тюрки (хазарского времени или позже?) восприняли туземное индоарийское **ij-* ‘жертвеник, святилище’ по преимущественному его месту — как ‘скала’. Объяснение формы *Симеиз* из греческого⁴¹ представляется нам не более как народной этимологией и наталкивается на серьезные фономорфологические препятствия: созвучное греч. *σημεῖον* ‘знак, знамя, граница’, будучи именем среднего рода, могло дать плюраль только на *-a*, в том числе и в новогреческих диалектах, а не на *-eis*, каковая флексия производна только от основ женского рода на *-a*. А. А. Белецкий допускает поэтому здесь плюраль на *-eis* от *σημαία* ж. р. (считается графическим вариантом от *σημεία*) ‘знамя’⁴² но это последнее само — вторичная форма женского рода из первоначального множественного числа на *-a*, что сообщает реконструкции *Симеиз* < н.-греч. **simeis* мн. ч. ‘знаки, знамена’ нарочитую сложность. Фонетически остается без объяснения при этом звонкость согласного в исходе *-iz*, а главное — сам исход этот последовательно фигурирует также в ряде других, очевидно, старых крымских названий, не идентифицируемых средствами греческого, что делает участие в них позднего новогреческого диалектного форманта множественного числа *-eis* (притом только от *-a* — основ ж. р.!) сомнительным. Сюда же относится местное название деревни и мыса *Кикенеиз*, *Кекенеиз* (в общем с XIV в.), стар. *Киркинеис*, которое мы предположительно реконструируем как индоарийское **kṛkana-i-* ‘пету-

³⁸ Шульц П. Н. Таврское укрепление на горе Кошка в Крыму. — Краткие сообщения Института археологии АН УССР, 1957, вып. 7, с. 63.

³⁹ Ср.: Крым. Путеводитель, с. 116: «... Кошка... — это — искаленное Куш-Кая, что в переводе означает ‘соколиная скала’». — Ассимиляцию тюркских местных названий с исходом *-kaja* в форме русских/украинских на *-ка* исследовал специально Е. С. Огин.

⁴⁰ Ср. о них: Mayrhofer III, S. 383, 385.

⁴¹ Ср. в последнее время: Белецкий А. А. Греческие элементы в географических названиях Крыма. — В кн.: Этимология. 1967. М., 1969, с. 206.

⁴² Там же.

шиный жертвеник', ср. др.-инд. *kṛkāra-* 'Art Rebluhñ'; иначе А. А. Белецкий — к греч. *χαρκίνος*, *χερκίνος* 'рак, краб' ⁴³ (но как понять тогда плюраль *-eis?*). Местное название *Кореиз* (вар. *Куреиз*, *Хуреиз*, *Хураис*, *Кураис*) едва ли может быть вместе с А. А. Белецким объяснено из н.-греч. диал. *χωρεῖς 'заселенное место', 'селище' ⁴⁴. Точнее сказать, что оно не поддается объяснению ⁴⁵, во всяком случае средствами греческого языка. Весьма примечательно вероятное отнесение сюда же формы *τὸ τῆς Κυρίου μετόχιον*, названия монастыря в Крымской Хазарии, упоминаемого в патриарших грамотах конца XIV в. ⁴⁶ Удостоверенная этим ранним свидетельством звонкость согласного *-i-* (-з-), а также явная принадлежность его к основе, а не к флексии (*Κυρίου*) заставляет искать объяснения в именном направлении — может быть, из индо-арийск. **kur(a)-i-* 'вороний (?) жертвеник', ср. др.-инд. *kūrara-* 'морской орел'. Местное название *Олеиз*, по А. А. Белецкому ⁴⁷, происходит из *Элеис от румейск. (т. е. крымскогреч. *элеис* мн. ч. 'маслины'). Местность, как говорят, действительно изобиловала маслинами, но такое фонетическое изменение начала слова трудно объяснимо в этой среде. Поэтому мы предположили и здесь чисто гипотетическое, но хорошо укладывающееся в ряд названий «птичьих» святилищ на *-i-* индоарийское **ula-i-* 'совинный жертвеник', ср. др.-инд. *ūlāka-* 'сова'. Местное название *Лемнеиз*, *Лименеиз*, в свете сказанного выше, могло бы быть вторичным преобразованием по греческой народной этимологии ('озерное место' ⁴⁸), а не изначально греческим производным.

С точки зрения лингвистической географии, несколько местных названий с исходом *-из* размещены на небольшом отрезке Южного берега Крыма, примерно от горы Кошка до Гаспры, т. е. в самом сердце древней Таврики. Несоразмеримость этого самобытного ареала и ареала греческого языка и населения в Крыму также говорит против объяснения от греческого народного плюрального форманта *-eis*. Весьма вероятный архаический характер этих крымских топонимов и возможное культовое их происхождение (ср. особенно *Симеиз*) позволяет увидеть в них образования типа др.-инд. *rtv-i-* 'nach Vorschrift regelmäßig opfernd'.

Таким образом, на вопрос, как называлось у тавров святилище, мы могли бы указать форму **i-* индоарийского происхождения. Можно ожидать, что найдутся дальнейшие подтверждения

⁴³ Там же, с. 207.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Маркевич А. И. Географическая номенклатура Крыма как исторический материал. — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии, т. II. Симферополь, 1928, с. 24.

⁴⁶ Васильевский В. Г. Житие Иоанна Готского. — ЖМНП, 1878, январь, ч. CXCV, с. 151; Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. — Записки имп. Одесского общества истории и древностей, 1915, т. XXXII, с. 240—241.

⁴⁷ Белецкий А. А. Указ. соч., с. 206—207.

⁴⁸ Там же.

древнего существования этой важной лексемы. Так, еще Б. Мункачи обратил внимание на близость начального компонента венгерских слов *egy-ház* (фонетически — *ed'ház*) ‘храм, церковь’, а также *üppér* (стар. *id-per*, *üd-per*) ‘праздник’ с др.-инд. *īd-* ‘почитание’, *īd-* ‘молить, почитать’ (вариант привлекавшегося выше др.-инд. *i-j-* в *ijyā*). Отвергать это сближение на том основании, что «в венгерском языке нет заимствований из санскрита»⁴⁹, сейчас вряд ли было бы убедительно. Достаточно вспомнить документальную встречу святого Константина (Кирилла) и венгров, которые «нападоша на нь. . . , яко и вльчески воююще, хотаще и оубити» (Жит. Конст. VIII). Дело было в Тавриде, по-видимому, не так далеко от поселений древних туземцев, ср. далее упоминание о миссионерском визите Константина к фульскому племени, где был им срублен языческий дуб «именем Александръ» (Жит. Конст. XII). Уже здесь прощупываются возможные индоарийские реликты, кстати, культового характера. Это происходило в IX в., т. е. ненамного позже деятельности одного местного князя с определенно индоарийским именем *Бравлин* < *pravlin-, которым мы занимались в одном из предыдущих томов «Этимологии». Пути древних венгров и индоарийских тавров могли перекреститься. Возможно, из этого источника венгры заимствовали свое *-id-* ‘святилище, священный’, что косвенно подтверждало бы наши предположения.

5. *managoṭra- ‘вместилище Манаса, род Манаса’

Эта праформа реконструируется на базе названия реки *Манаготра*, которое и сейчас поражает мало-мальски внимательного наблюдателя своим реликтовым, т. е. негреческим и нетатарским видом. Так называется в Юго-Западном Крыму речка, которая, сливаясь с Биюк-Узенбашем, образует самую полноводную реку Крыма — Бельбек⁵⁰. Это места крымской Готии и страны Дори, прямых преемников древних тавров. Не видя возможностей иного объяснения и даже полагая, что все иные объяснения будут более произвольными, мы толкуем гидроним *Манаготра* в связи с др.-инд. *táṇas* ‘дух, разум, душа’ (здесь допустимо предполагать персонифицированное *Mánas*, божество) и *gotrá-* ср. р. ‘коровник, хлев’, ‘семейное укрытие, семья, род, родство’⁵¹, короче говоря, восстанавливаем сложение **mana-gotra-*. Соответствия этим лексическим основам есть и в иранском, ср. авест.

⁴⁹ Szemerényi O. «Südwestiranische» Lehnwörter im Ungarischen und Türkischen. — Études finno-ougriennes, 1976, XIII, S. 241. — Гипотеза автора о соответствующем среднеиранском **yad-* как источнике этого венгерского корня кажется излишней, поскольку тогда ожидалось бы венг. **jadház*, **jadnap*, а условия гармонии гласных не требовали здесь перестройки вокализма, а наоборот, сохраняли бы его.

⁵⁰ Ресурсы поверхностных вод СССР. Т. 6, вып. 4. Крым. Л., 1975, с. 6; Речедин И. О. Солнечный Крым. Физико-географический очерк. Киев, 1976, с. 93; Словник гідронімів України. Київ, 1979, с. 351.

⁵¹ Monier-Williams M. Op. cit., p. 364, 783; Mayrhofer I, S. 346; II, S. 573.

manah- ‘смысл, дух, мысль, стремление’, др.-перс. *manah-* ‘сила духа, воля’, ср.-перс. *gōhr* ‘знатный род’ < ир. **gaubra-*, производное с суф. *-tra* от *gau-* ‘крупный рогатый скот, корова’, как и др.-инд. **gotrá-*⁵², однако ареал говорит в нашем случае скорее за местное таврское (индоарийское) происхождение, ср. с тем же формантом старый крымский топоним *Чигенитра*⁵³. Что касается значений ‘род, семья, вместилище для людей’ и ‘коровник, хлев’, то в их родстве и в производности первого от второго нет причин сомневаться, зная примеры происхождения социальной и социально-религиозной терминологии от пастушеской⁵⁴.

6. **mukh-sari-*? ‘мыс’

В «Географии» Птолемея между устьями реки Борисфена и устьем реки Каркинита (последняя плохо идентифицирована до сих пор) перечисляются:

... ὁ ισθμὸς τοῦ Ἀχιλλέως δρόμου
τὸ δυτικὸν ἄκρον τοῦ Ἀκιλλέως δρόμου,
ὁ καλεῖται
‘Ιερὸν ἄκρον
τὸ ἀνατολικὸν, ὁ καλεῖται
Μισαρὶς ἄκρα
Κεφαλόνησος
Καλὸς Διμήν
Ταμυράκη

... Перешеек Ахиллесова бега
западный мыс Ахиллесова бега,
который называется
Священный мыс,
Восточный мыс, называющийся
Мисарис,
Остров Головы,
Прекрасная Гавань,
Тамирака⁵⁵.

В этом перечне, который мы привели столь полно, поскольку еще придется обращаться к нему, выделим здесь название мыса, восточной оконечности Ахиллесова бега (ныне острова Тендра) —

⁵² Объяснение *-tra-* в др.-инд. *gotra-* от *trā-* ‘охранять’ (*Wackernagel J. Alttindische Grammatik*. Bd. II, 2 von A. Debrunner. Göttingen, 1954, S. 79) менее вероятно.

⁵³ *Трубачев О. Н.* «Старая Скифия»..., с. 44.

⁵⁴ *Bader F.* De «protéger» à «razzier» au néolithique indo-européen: phraséologie, étymologie, civilisation. — *BSL*, 1978, t. LXXIII, p. 116: хетт. *wešiyawaš pedan* означает ‘пастбище’ и ‘округ, подвластный вождю’; p. 205–206: указывает, что в обществе индоевропейцев-скотоводов в термин **peku* включались также люди.

⁵⁵ *Ptol. Geogr.*, III, V, 2. См.: *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1890, с. 229. — В перевод нами внесены изменения, касающиеся имен.

Музарис. Эта форма, видимо, отражает туземное **Musari-*; указываемое по соседству (у Птолемея их координаты почти совпадают) греч. Κεφαλό-νησος, буквально 'Голова-остров', как бы подсказывает нам поиски истоков названия **Musari-* в др.-инд. *mukham* 'рот, лицо'⁵⁶ и *sari-* 'водопад'⁵⁷, что все вместе обозначало бы опоясанный бурунами мыс. Конечно, праформа **mukh-sari-(?)* подается нами сознательно гипотетически как условная конструкция, которую трудно проверить. Но вероятность употребления туземного апеллатива в функции имени собственного в греческой традиции значительна, значения 'рот', 'нос', 'лицо' элементарно пригодны для обозначения мыса (анalogии излишни), а греч. Κεφαλό-νησος, обычно наносимое издателями на картах где-то рядом, есть, вполне возможно, не самостоятельный топоним, а всего лишь калька, греческий семантический эквивалент туземного Музарис. Туземный и, видимо, индоарийский характер названия Музарис кажется допустимым еще из сличения с топонимическими фактами побережья Западной Индии, где уже не раз нам приходилось обнаруживать весьма любопытные соответствия реликтовой ономастике Северного Причерноморья. Их список можно продолжить, указав в данном случае на *Muziris* (Μουζηρίς, Ptol.), название крупного древнего порта Западной Индии, на побережье Лакшмикх (к которому мы также еще вернемся ниже). Все существующие идентификации названия *Muziris*, отражающие в основном привязку к тамильской ономастике, — с *Mangarut* (Козьма Индикоплов 345а), т. е. *Mangalore*⁵⁸, или *Muyirikkodu*, *Muyiri kotta* на Малабарском берегу⁵⁹ — не являются окончательным решением. Индоарийцы, рано осваивавшие западное побережье Индостана с севера на юг, явились здесь пришлым населением, но они несли с собой сюда издалека и унаследованную ономастику, которая иногда приспособливалаась к местным зозвучьям. Может быть, один из таких случаев представляет собой и Музарис на побережье Лимирике у античных авторов. Птолемеевское Музарис с северных берегов Понта может отражать народную пракритскую трактовку — упрощение группы согласных (см. выше); соответствие в Западной Индии *Muziris* имеет свои отличия, которые трудно объяснить. Но обратить внимание на их сходство показалось полезным.

7. **raman-* 'покой, стоянка, привал'

Гора Роман-Кош, не такая знаменитая, как Чатыр-даг, но самая высокая вершина Крымских гор, имеет название-двуучлен, вторая часть которого — тюркская по происхождению: *kəş*

⁵⁶ См. об этом слове: *Mayrhofer II*, S. 648.

⁵⁷ Только в словарях, ср. о нем далее *Mayrhofer III*, S. 471.

⁵⁸ *Lassen Chr. Indische Altertumskunde. Bd. I. Geographie, Ethnographie und älteste Geschichte. 2. Aufl. Leipzig — London, MDCCCLXVII*, S. 188; *Kiepert H. Lehrbuch der alten Geographie. Berlin, 1878*, S. 40.

⁵⁹ *Dey N. L. The geographical dictionary of Ancient and Mediaeval India. New Delhi, 1971*, p. 131.

‘стоянка, лагерь’. Первая часть названия *Роман-Кош* не может быть исконным тюркским словом ввиду начального *r*-; в «Этимологическом словаре тюркских языков» М. Рясиенена раздел слов, начинающихся на *r*-, занимает всего две с половиной страницы, причем это практически сплошь заимствования из арабского и персидского. Такой исключительный критерий уже априори подсказывает вывод об иноязычной принадлежности компонента *Роман-Кош*). Но какой именно? Ответ на вопрос, как нам кажется, моделирует второй компонент — *Кош*, позволяя предположить между обеими частями отношение семантической общности и калькирования с какого-то другого языка на тюркский. Так создается почва для наблюдения, что первая часть названия *Роман-Кош* представляет собой реликтовое **raman*- ‘стоянка, привал’. Близкие имена есть в иранских языках: авест. *gātān-* ‘покой, мир’, древнеперсидское имя собственное *Ariyārātana-* выступает также в качестве названия горы — **Ariyā-rātana-* ‘арийский покой’ по данным эламских табличек из Персеполя⁶⁰. Но известные нам иранские факты обозначают состояние душевного покоя, что нельзя безоговорочно отождествлять со значением ‘стоянка, привал’. Эта специфическая семантика в нешнее время, вскрываемая нами и для реликта **raman*- в *Роман-Кош*, присуща индоарийскому,ср. др.-инд. *rāmate* ‘ успокаивать, оставлять в покое, останавливаться, делать остановку, привал, оставаться, пребывать’, ‘развлекаться’⁶¹.

8. **saviā* ‘благая, добрая’

Милетская колония в устье Гипаниса (Южного Буга) ’Оλβία (ионич. ’Ολβίη), что значит по-гречески ‘счастливая’, была не единственным городом с таким названием в греческом мире. Однако среди многочисленных греческих колоний Северного Причерноморья так называлась одна она. Мотивация такого названия в общем, казалось бы, понятна: поселенцы вкладывали в него свои помыслы о процветании и благополучии. Но позволительно думать, что подобная ситуация «пустого места» имелась не всегда. Больше того, греческие колонии как правило преемственно возникали и развивались в местах, уже до них облюбованных туземным населением. Естественно и даже необходимо предположить, что эта преемственность часто затрагивала так или иначе и сами названия. Наиболее ранний источник — анонимный пеприпл Понта Евксинского — говорит об Ольвии: . . . Πόλις, πρότερον μὲν ’Ολβία Σαυΐα καλουμένη, μετὰ δὲ ταῦτα ὑφ’ Ἑλλήνων πάλιν Βορυθένης κληθεῖσα’ . . . город, прежде называвшийся Ольвия Савия, а потом снова названный у эллинов Борисфеном⁶². Дополнитель-

⁶⁰ Koch H. Die religiösen Verhältnisse der Dareioszeit. Untersuchungen an Hand der elamischen Persepolistäfelchen. Göttinger Orientforschungen. III. Reihe: Iranica, Bd. 4. Wiesbaden, 1977.

⁶¹ Ригведа, см.: Mayrhofer III, S. 43.

⁶² Corpus inscriptionum graecarum, ed. A. Boeckh, V. 1—2. Berlin, 1828, p. 86.

ное название упомянуто только раз и притом в древнейшем тексте — означенном перипле, относимом к V в. н. э. И там оно тоже характеризуется как первоначальное (πρότερον) и исчезающее, что все вместе кажется очень натуральным и располагающим к доверию. Однако у прежних исследователей эта уникальность, наоборот, вызывала скепсис; так, Латышев, вслед за Мюллером, исключает слово Σαυία из текста⁶³. Думаем, однако, что это не конец спора. Если сохранить в тексте «все как есть» и посмотреть на форму Σαυία как на додреческий реликт, то можно прочесть ее без натяжки как *saviā, прилагательное женского рода 'хорошая, добрая', полностью совпадающее с др.-инд. *savu-* 'левый'⁶⁴. Значение последнего, видимо, явилось табуистическим обозначением левой стороны как 'хорошей'. Если верно сказанное выше, то в реликтовом обозначении Ольвии индоарийского типа (по-ирански было бы *ḥavuya-) сохранилось и древнейшее значение данного прилагательного. Почему же все-таки 'благая' и 'добрая'? Б. Фармаковский, исследователь Ольвии, свидетельствует: «В прибрежной части Ольвии есть родники, дающие в изобилии прекрасную питьевую воду; вода из этих источников — лучшая, какая теперь имеется во всей окрестности. И эта обеспеченность хорошею водою была одним из необходимых условий для существования города; в нагорной части Ольвии воды нет совершенно, и туда надо было доставлять воду издалека»⁶⁵. Добавим, что извечный недостаток в хорошей воде — это вообще особенность Северного Причерноморья, в частности геродотовской «Старой Скифии», где он влиял и на топонимию страны, о чем говорят и исследованный нами *Εξαμπαῖος < иndo-арийск. *a-kṣataraia 'непригодная вода' и современный *Мертвовод*.

9. *ταμιτηράκη 'пиратская'

В основе реконструируемого нами названия лежит форма Ταμιράχη греческих текстов. Точное расположение места остается спорным. Птолемей упоминает город Ταμιράχη, помещая его между Прекрасной гаванью (Καλὸς Λιμήν) и устьем реки Каркинит (Ptol. Geogr. III, V, 2; VIII, X, 3). Ср. Стефан Византийский: Ταμιράχη, πόλις Σαρματίας τῆς ἐν Εὐρώπῃ (Steph. Byz. Ethnīc.). Страбон называет Тамиракским залив (ὁ Ταμιράκης κόλπος⁶⁶), обычно называемый с древности до наших дней Каркинитским. Анонимный перипл (включающий перипл Арриана), описывая черноморское побережье с востока на запад, сообщает, что Каркинитский залив

⁶³ Латышев В. В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. — ЖМНП, 1887, январь, ч. CCXLIX, с. 35 (там же прочие этимологические сближения этой формы, правильно отвергаемые автором). См. также, с купюрой Σαυία: Латышев В. В. Известия древних писателей... Т. I. Греческие писатели, с. 285: Anon. Periplus P. Eux. 86 (60).

⁶⁴ См. о нем: Mayrhofer III, S. 449.

⁶⁵ Фармаковский Б. Ольвия. М., 1915, с. 21.

⁶⁶ Pape W., Benseler G. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Bd. II. Graz, 1959, S. 1483.

простирается от Прекрасной гавани до Тамираки, которая является мысом, соседствующим с востока с Бегом Ахиллеса (Anon. Periplus P. Eux. 83, 84). Этого последнего мнения, видимо, придерживаются картографы нового времени⁶⁷. Следует, однако, отдать предпочтение более ранним авторам — Страбону (I в. н. э.) и Птолемею (II в. н. э.). У первого из них Ταμιράχη понимается как название всего залива между Северо-Западным Крымом и материком: что касается Птолемея, то он точно указывает место Тамираки между Прекрасной гаванью и рекой Каркинит, а современные исследователи локализуют оба эти объекта в Крыму⁶⁸. Таким образом, Тамирака оказывается в какой-то части Тарханкутского полуострова. Эти противоречия и достопримечательные блуждания топонима Ταμιράχη, возможно, говорят о том, что он относился не столько к конкретному пункту, сколько к побережью в целом.

В поисках объяснения этого загадочного до сих пор для нашей науки названия мы обратили внимание на Λιμυρική, название южной части побережья Западной Индии (Anon. Periplus m. Erythr.⁶⁹). Едва ли форма *Dimirice*⁷⁰ более авторитетна или, тем более, связана с этнонимом *Tamil*⁷¹. Античным путешественникам было известно, что Λιμυρική непосредственно граничила с Берегом пиратов (ἀνδρῶν πειρατῶν)⁷². Греческая запись Λιμυρική в Индии может отражать древнеиндийскую форму прилагательного с суф. -ika-, а северопонтийское Ταμιράχη, видимо, содержит суф. -aka-. Идя далее от форманта к корню, мы наблюдаем в обоих названиях явно повторяющееся -tigr-, которое можно попытаться на этом основании, во-первых, выделить как самостоятельный лексический корень, а во-вторых, отождествить его с корнем др.-инд. ā-túr- ‘похищающий’, *abhi-pra-túr-* (Ригведа) ‘хватающий’, производные от глагола *tigráti* ‘похищать, грабить, хватать’⁷³. Конечно, при этом нужно решить вопрос о начале слова Λιμυρική (или его первом компоненте). Ответ следует искать в известных данных о словообразовном гнезде упомянутого глагола *tigráti*, от которого существует видоизмененное производное *malímlúh* ‘разбойник, вор’⁷⁴. Кажется возможным предположить происхождение Λιμυρική < *mali-mur-ika- ‘разбойничий’; начало слова затем подверглось изменению, но, может быть, след его сохранился в более позднем названии этого побережья — *Malabar?* Это послед-

⁶⁷ Spruner K. — Menke Th. Atlas antiquus. Gotha, MDCCCLXV, [карта] XXIV; Кулаковский Ю. Карта Европейской Сарматии по Птолемею. Киев, 1899.

⁶⁸ Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978, с. 4—5 (Калос Лимен — в Ак-Мечетской, ныне Черноморской бухте); так называемую реку Каркинит автор видит в длинном озере Донузлав (с. 22).

⁶⁹ Pape-Benseler. Op. cit., Bd. II, S. 806.

⁷⁰ Ravennatis Anonymi Cosmographia et Guidonis Geographica, ed. M. Pinder et G. Parthey. Berolini, 1860, S. 14.

⁷¹ Kiepert H. Lehrbuch der alten Geographie. Berlin, 1878, S. 41.

⁷² Lassen Chr. Indische Altertumskunde, Bd. I, S. 185, 188.

⁷³ Mayrhofer II, S. 673.

⁷⁴ Там же, с. 599.

нее обычно связывают с тамильск. *malai* 'гора', но более древней представляется здесь традиция названия 'Пиратский берег'. На этом мы можем возвратиться к 'Пиратскому берегу' в более близких к нам местах — в Северо-Западный Крым. Одновременно открывается возможность поэтапного словообразовательного анализа нашего названия Тарифахъ, тем более, что существующие немногие попытки чисто корневой этимологизации не удовлетворяют⁷⁵. Тарифахъ, очевидно, произведено с суф. прилагательного *-aka-* от уже упомянутого **tigr-* 'похищающий'; начальный слог Та- является остатком первого компонента-дополнения ('что похищающий?'), ср. др.-инд. *tanū-* 'тело, личность, человек'. Следовательно, в основе Тарифахъ лежит потенциально индоар. **tanū-tigr-* 'похищитель людей' (сложение типа др.-инд. *tanū-pā-* 'защитающий людей'), т. е. 'пират-работорговец', а все название Тарифахъ реконструируется как **tanū-tigr-aka-* 'пиратский', с вероятной синкопой среднего слога. Существование на Черном море в античную эпоху пиратства и работорговли известно. Морским разбоем активно промышляли и тавры⁷⁶ и, видимо, родственные им сатархи⁷⁷. Нас в данном случае интересуют именно эти последние, поскольку они занимали прибрежную зону на Севере Крыма, в том числе, вероятно, и Тарифахъ, и, кроме того, об их пиратстве, по-видимому, в этих местах, свидетельствуют эпиграфический документ: 'Αχιλλεῖ νήσου [μεδέοντι] Ποσίδεος Ποσιδέου τοὺς] Σαταρχαίους [νικήσας] πειρατεύσαντας ἀνέθηκεν?] 'Ахиллу, владыке острова (Левке), Посидей, сын Посидея, победивший пиратствовавших сатархеев, воздвиг'⁷⁸. Кроме этой посвятительной надписи, найденной в Неаполе Скифском (окраина нынешнего Симферополя), столице позднескифского царства, Посидей Посидееву принадлежит еще одна надпись — в Ольвии: ['Αφροδίτῃ Εὐπλοίαι [Ποσίδεος Ποσιδέον] Χαριστήριον 'Афродите, покровительнице мореплавателей, Посидей, сын Посидея, благодарение']⁷⁹. Посидей — грек, командовавший, видимо, военно-морскими силами Скифии (ср. особо усердное почитание им морских божеств). Это было время (II в. до н. э.), когда Ольвия подпала под власть крымской Скифии. Нормальной коммерции Ольвии и общению с Неаполем Скифским докучали «пиратствовавшие сатархеи», наносившие удары из опас-

⁷⁵ Marquart J. — Keleti Szemle XI. Budapest, 1910, S. 5: сближает *Temarunda* и Тарифахъ с др.-инд. *tāmas-* 'мрак', авест. *təmāh-*, "др.-инд. *tamis-ra-* 'темнота', ир. **tamah-ra-*; ср. по этому поводу: Vasmer M. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Südrussland. — In: Vasmer M. Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde. Bd. I. Berlin — Wiesbaden, 1971, S. 163. См. еще: Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. М., 1961, с. 161.

⁷⁶ Тюменев А. И. Херсонесские этюды. III. Херсонес и местное население: тавры. — ВДИ 1949, № 4, с. 80.

⁷⁷ Ростовцев М. И. — Записки имп. Одесского общества истории и древностей, 1915, т. XXXII, с. 60, сн. 3; Он же. Скифия и Боспор. Л., 1925, с. 47.

⁷⁸ Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae, V. I. Изд. 2. Петербург, 1916, p. 507 (№ 672).

⁷⁹ Там же, с. 182 (№ 168).

ного мелководного Каркинитского, или Тамиракского залива. Судя по перфектной форме причастия *περιπατεύσαντας* ‘пиратствовавших (сатархеев)’, Посидей основательно разделался с ними.

10. **tvak-* ‘(кожаный) щит’

Неподалеку от Судака находятся приморские селения Ускут и Туак, после войны решительно переименованные соответственно — в Приветное и Рыбачье, хотя ни одно, ни другое название не имеет тюркской этимологии. Их относительная близость на местности отражает связь их происхождения. Средствами разных языков оба названия передают одну и ту же семантику. Начнем с менее древнего из них. *Ускут* (или *Ускют*) есть тюргизированная форма итал. *Scuto*,ср. *casale de lo Scuto*, *Scutti* в средневековых итальянских документах, а также на картах⁸⁰. Ит. *scuto* значит ‘щит’. Это же значение мы предполагаем у другого названия — *Туак*, первоначально **Tvak*, в основе которого, по-видимому, лежало субстратное индоарийское слово **tvak-* ‘(кожаный) щит’, ср. др.-инд. *tvák-* ‘кожа, шкура’, сближаемое с греч. *σάχος* ‘щит’ (**tvakos*)⁸¹. Старые записи путешественника помогут нам понять природу такого наименования: «В 50 минутах от Кучук-Юзена находится немалая деревня Тувак, на долине окруженной садами и орошающей быстрым ручьем. . . Чрез 2 часа и 25 минут мы увидели с высоты, в глубоком долу, рассеянной Юшкют, обширнейший из всех приморских селений, в котором щитают до 70 дворов. Две окружающие его высокие горы представляют на высотах стоячие, свислые и безобразные каменья, . . . а Юшкют, заключаясь между ими как в ящике, кажется на низу в противоположность дикости веселые предметы»⁸².

11. Кто такие были *Тухчундеситай*?

Одна пантикапейская надгробная надпись I в. н. э., найденная в Керчи, гласит: Δαρῆς Γαῖοῦ στρατηγὸς Τυκανδεῖτῶν, χαῖρε ‘Дама, сын Гая, стратег тикандитов, прощай’⁸³. По свидетельству издателей «Корпуса боспорских надписей», «название это не встречается ни в других боспорских надписях, ни в литературных источниках. Кто были эти тикандиты, остается неясным»⁸⁴. Очевидно,

⁸⁰ Braun F. Die letzten Schicksale der Krimgoten. St. Pb., 1890, S. 25; Извлечение из сочинения В. Гейда «История торговли Востока в средние века». Перевод Л. П. Колли. — Изв. Таврической ученой архивной комиссии № 52. Симферополь, 1915, с. 129, сноска 3.

⁸¹ Mayrhofer І, S. 537.

⁸² Сумароков П. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду, ч. 2. СПб., 1805, с. 214.

⁸³ Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae, V. IV. Petropoli, MDCCCCI, p. 174; Корпус боспорских надписей. Отв. ред. Струве В. В. М.—Л., 1965, с. 254 (№ 382).

⁸⁴ Корпус боспорских надписей, с. 254 (№ 382).

видно, впрочем, что *Τυχανδεῖται* (засвидетельствован только gen. pl. *Τυχανδεῖτον*) — это греческий этникон регулярного вида (с суф. -ειτης, мн. -ειται), что естественно для официального Боспора и его эпиграфики. Можно в связи с этим утверждать, что этникон, т. е. название жителей по месту, произведен от некоего топонима, возможно, названия селения или города **Τυχανδα*; в словаре Степана Византийского мы найдем достаточно примеров таких этниконов от местных названий: *Κοροκούδαμιτης*, *Ταναίτης* и т. д. Но ни там и нигде больше мы не встречаем топонима **Τυχανδα*. Его иногреческий вид бросается в глаза. Вряд ли воинский контингент тикандитов, которым командовал покойный боспорский стратег, был откуда-то издалека. На Боспоре широко прибегали к услугам наемников и главным источником этих ресурсов был азиатский Боспор, меотское Приазовье. Обратившись поэтому к синдо-меотской части Боспорского царства и опираясь на некоторый опыт своих предыдущих поисков, мы проверяем одновременно данные из древней Северо-Западной Индии и действительно находим там нечто заслуживающее внимания: *Ohind*, стар. *Utak-handa* или *Ut-khand*, с греческой калькой времен походов Александра Македонского в Индию — *Ekbolima*, лат. *Ecbolima* (*Curtii Vit. Alex.* VIII. 12). Авторитет в древней географии Индии Каннингем пишет: «Следует, однако, помнить, что *Ebolima* [Arr. *Anab.* IV, 28. — *O. T.*] или *Ekbolima* — это всего-навсего чисто греческое название, передающее положение места при впадении реки Кабул в Инд, где оно и помещено Птолемеем. В этом случае вероятность тождества *Ohind* особенно сильна»⁸⁵. Генерал Каннингем не был лингвистом, но его идентификация верна. Греч. ἐκ-βόλιμα — производное от глагола ἐκβάλλω в значении ‘пускать ростки’, т. е. значило ‘отросток’ и было использовано для буквальной передачи-перевода др.-инд. *ut-kānda*, *ud-kānda* с тем же значением, префиксального сложения *kānda* ‘стебель, ствол’⁸⁶ (вариант с придыхательным вторичен здесь и в топонимии и в лексике⁸⁷). Короче говоря, мы склоняемся к мысли, что в боспорском **Τυχανδα* отражено местное индоарийское, синдо-меотское **Utkanda* (затруднительность группы *tk* для греков привела к метатезе в греческой передаче), которое значило, в полном соответствии с функцией выделительной приставки *ud-* ('вы-, из-'), — ‘отросток, отвертвление’.

Возникает естественный вопрос, где следует локализовать древний топоним **Τυχανδα*/**Utkanda*? Думаем, что единственным местом для этого может считаться нынешний город Славянск-на-Кубани, называвшийся прежде Копыль, расположенный при ответвлении реки Протоки от Кубани. Историческое название Копыль отражено главным образом в средневековых итальян-

⁸⁵ Cunningham A. The ancient geography of India, New enlarged edition. Varanasi, 1975, p. 48.

⁸⁶ Monier-Williams, p. 269.

⁸⁷ Cp. Mayrhofer I, S. 197.

ских документах в форме *сопа*, *locopa*, *Copario*⁸⁸. Необходимо уточнить, что итальянские формы — это всего лишь приблизительные записи древней русской формы *Копыль*, которая имеет надежную базу в русских диалектах (*копыл*, *копылб*, *копыль*, *копылье*, основное значение — ‘стояк разного назначения’), бесспорно праславянское происхождение (**kor-ylъb*: **kopati*) и соответствия в других славянских языках и диалектах, которые, собственно, и помогают установить первоначальное значение слова: ‘боковой отросток’ (ср. болг. *диал. копиле* ‘побочный початок кукурузы’, *кобило* ‘отросток кукурузы, который вырывается’). Данное уточнение весьма существенно, так как оно постулирует древность русской формы *Копыль* ‘ветка, отросток (здесь — об ответвлении реки)’, а также, что особенно интересно, семантическое тождество др.-рус. **Копыль* и индоар. (синдомеот.) **Utkanda*, а в плане историческом — преемственную встречу обоих этносов в этом районе.

⁸⁸ Брун Ф. К. О поселениях итальянских в Газарии. Топографические и исторические заметки. — Труды I археологического съезда в Москве. 1869, II. М., 1871, с. 385.

Вяч. Вс. Иванов

РАЗЫСКАНИЯ
В ОБЛАСТИ АНАТОЛИЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ
15а, 18а, 19а, 20—24

15а. Еще к этимологии хетт. *arma-* ‘луна’ и *i̯rtan-* ‘болезнь’.

Предложенное в одной из предшествующих публикаций настоящей серии (в заметке 15) сопоставление хетт. *arma-* ‘луна, месяц’ с др.-исл. *ár-tali* ‘месяц’ = ‘считывающий годы’ может быть истолковано либо (что предлагалось автором ранее) как генетическое (в этом случае, однако, известные трудности вызывает долгота гласного в других индоевропейских языках¹), либо как чисто типологическое, дополнительно подчеркивающее роль измерения

¹ На это обстоятельство, как и на возможность сближения хетт. *arma-* с русск. *ярмо* (ср. ниже), мое внимание при обсуждении предшествующего сообщения обратил О. Н. Трубачев, которому приношу благодарность. Относительно предыстории индоевропейской группы слов, к которой возводится др.-исл. *ár* ‘год’, ср.: Иллич-Свитич В. М. Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Справительный словарь (I—3). Указатели. М., 1976, с. 83—85; Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974, с. 181—184, 215. Формы типа авест. *ayar* (при *yār*), как и брет. *iar*, могли бы указывать на позднейшую факультативность долготы, что облегчило бы сравнение с анатолийской формой, в которой нет следов ларингального перед -*r* (для предположения ступени растижения в других диалектах нет оснований).